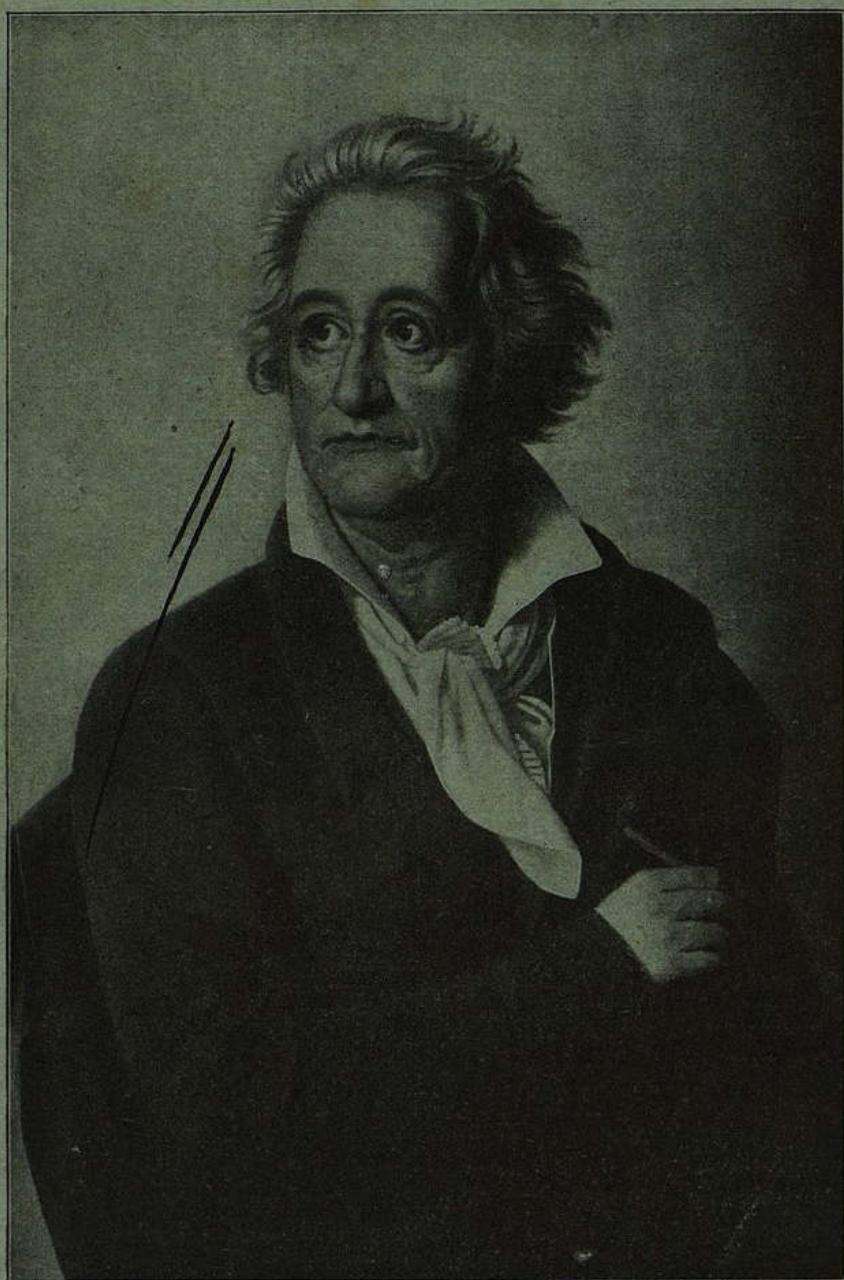

ЖИЗНЬ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГЕТЕ.

1749—1899 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ IX.

СЕНТЯБРЬ.

Природа. Гете.

Границы человечества. Стихотворение К. Д. Бальмонта.

Воззрѣніе Гете въ области естествознанія и ихъ отношеніе къ дарвинизму. Статья К. Гольтхофа.

Избранникъ земли. Очеркъ К. Д. Бальмонта.

Сцены изъ первой части „Фауста“ Гете.

Юбилей Гете. Статья А. Новрова.

Бѣловѣжская пуща. Очеркъ В. Л. Сирошевскаго.

На мотивы изъ С. Я. Надсона. Стихотворенія В. Г.

Очеркъ народнаго образования въ Англіи въ XIX столѣтіи. Статья М. Кроля.

Безъ приюта. Силуэты петербургской ночи. С. Гусева-Оренбургскаго.
Историческая необходимость и материалистическое пониманіе исто-

рии. Статья Эд. Бернштейна.

Измѣнивость. Стихотвореніе В. Г.

Посмертные разсказы Гюи-де-Мопасана.

Молодость. Стихотвореніе Аргунина.

Фридрихъ Ницше. Статья С. Штайнберга.

Аретуза. Стихотвореніе В. Г.

Умирающая земля. Романъ Рэнэ Базена.

Новые данные по исторіи университетского быта. Статья проф.
Д. И. Багаллья.

Уляномъ. Стихотвореніе К. Д. Бальмонта.

Колониальная политика въ прошломъ и настоящемъ. Статья Н. Ка-

утскаго.

Фома Гордьевъ. Повѣсть М. Горькаго.

Поблекшія листья. Стихотвореніе В. Г.

Семидесятые годы. Статья седьмая: Роль личности въ исторіи и теоріи прогресса
Е. А. Соловьевъа.

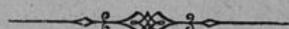
Библиографія: Райский. Мечты и жизнь. Спб., 1899 г. А-ча.— В. В. Розановъ. Ли-
тературные очерки. Спб., 1899 г.— В. В. Розановъ. Сумерки прошлого. Спб.,
1899 г.— В. В. Розановъ. Замѣтка о Пушкинѣ. „Миръ искусства“, № 13—14,
1899 г. Андреевица.— Н. Карьеъ. Исторія Европы въ новое время, т. V. Спб.,
1899 г. В. Б.— Maurenbrecher Max. Thomas von Aquino's Stellung zum Wirt-
schaftsleben seiner Zeit. Leipzig. Weber. 1898. А. Вязигина.— Дарвинизмъ и
теорія познанія. Статьи Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Алонса Риля.
Спб., 1899 г. П. Берлина.— Проф. В. Левитский. Сельско-хозяйственный кризисъ

1941 г.
1922 г.

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

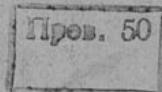
ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ IX.

СЕНТЯБРЬ.

1899 Г.

Контора редакции: Спб., Знаменская, 20.

Телефонъ № 2782.

Сдано в набор 15.08.1941 г. Издательство И.Д. Сытина. Тираж 5000 экз.

THE UNIVERSITY

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1899 г.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицкая ул., 18.

Т О М Ъ IX.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

	СТРАН.
1) Природа. Гете	1
2) Границы человѣчества. Стихотвореніе К. Д. Бальмонта . . .	3
3) Воззрѣнія Гете въ области естествоznанія и ихъ отношеніе къ дарвинизму. Статья К. Гольтофа.	5
4) Избранникъ земли. Очеркъ К. Д. Бальмонта.	12
5) Сцены изъ первой части „Фауста“. Гете	17
6) Юбилей Гете. Статья А. Коврова.	33
<hr/>	
1) Бѣловѣжская пуща. Очеркъ В. Л. Сѣрошевскаго.	11
2) На мотивъ изъ С. Я. Надсона. Стихотворенія В. Г.	27
3) Очеркъ народного образования въ Англіи въ XIX столѣтіи. Статья М. Кроля.	29
4) Безъ приюта. Силуэты петербургской ночи С. Гусева-Оренбургскаго	45
5) Историческая необходимость и материалистическое пониманіе истории. Статья Эд. Бернштейна.	65
6) Измѣнчивость. Стихотвореніе В. Г.	74
7) Посмертные разсказы Гюи-де-Мопасана	75
8) Молодость. Стихотвореніе Аргунина.	84
9) Фридрихъ Ницше. Статья С. Штайнберга.	85
10) Аретуза. Стихотвореніе В. Г.	112
11) Умирающая земля. Романъ Ренэ Базена.	116
12) Новые данные по истории университетского быта. Статья проф. Д. И. Багалѣя	145

	СТРАН.
13) Улялюмъ. Стихотвореніе К. Д. Бальмонта	170
14) Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ. Статья К. Каутского	173
15) Фома Гордѣевъ. Повѣсть М. Горькаго	187
16) Поблекшія листья. Стихотвореніе В. Г.	252
17) Семидесятые годы. Статья седьмая: Роль личности въ исторіи и теоріи прогресса Е. А. Соловьевъ	255
18) Библіографія: Райскій. Мечты и жизнь. Спб., 1899 г. А—ча.—В. В. Розановъ. Литературные очерки. Спб., 1899 г.—В. В. Розановъ. Сумерки просвѣщенія. Спб., 1899 г.—В. В. Розановъ. Замѣтка о Пушкинѣ. „Миръ искусства“, № 13—14, 1899 г. Андреевича .—Н. Кардѣевъ. Исторія Европы въ новое время, т. V. Спб., 1899 г. В. Б.—Maurenbrecher Max. Thomas von Aquino's Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit Leipzig. Weber. 1898. А. Вязина.—Дарвинизмъ и теорія познанія. Статьи Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Альпса Риля. Спб., 1899 г. П. Берлина.—Проф. В. Ф. Левитскій. Сельско-хозаїственныи кризисъ во Франціи (1862 — 1892). Харьковъ, 1899 г. Б. Авила.—Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1897 г. и краткія свѣдѣнія о нефтяной промышленности въ Грозномъ и Америкѣ. Баку, 1899 г. П. Гелейшвили.—Д-ръ мед. А. Ильинскій. Три яда: табакъ, алкоголь и сифилисъ. Изд. 2-ое. Москва, 1898 г. З. Френкеля.	294
19) Провинціальные картинки: I. Кое что изъ области провинціальнаго существованія.—Астраханская и Кадомская эпопеи.—II. Отголоски Пушкинского юбилея въ провинціи.—Канцелярские курьезы. Н. Н. Н.	321
20) Хроника внутренней жизни: I. Проектъ книги V Гражданскаго Уложенія (объ обязательствахъ) и проектъ статей объ авторскомъ правѣ.—Несовершенство дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и его причины. — Основные принципы проекта: „справедливость“ и „защита слабыхъ“, устраненіе формализма въ правѣ, расширение сферы усмотрѣнія суда, облегченіе судебнай защиты и само помощь.—Пространство примѣненія проекта. — Основные ошибки проекта закона объ авторскомъ правѣ.—Нѣкоторыя частныя замѣчанія. — II. Pro domo suo.—Отвѣтъ „Приазовскому краю“ и „Сыну Отечества“. — III. Послѣдніе распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ о печати (за 2 мѣсяца).—IV. Post scriptum.—Послѣдній циркуляр г. министра народнаго просвѣщенія	335
21) Иностранные обозрѣнія: Четвертый актъ — Сербскіе и русскіе радикалы. — Аграрій и императоръ. — Роза Люксембургъ и Бернштейнъ. — Шерерь-Кестнеръ — Да здравствуетъ Франція! В. П.	363
22) Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва	374

Портреты: Гете въ молодости.—Гете въ старости.

Картинь: Маргарита въ соборѣ. Картина **Шеффера**.—Маргарита въ темницѣ. Статуя **Цаннони**.—Виды Маргариты Фаусту. Картина **Лизена-Майера**.—Гете во Франкфуртѣ. Картина **Наульбаха**.—Виды Бѣловѣжской пущи: Просѣка.—Лѣсная дорога.—Старыя липы.

Границы человѣчества.

(Изъ Гете).

Когда престарѣлый
Святой нашъ Отецъ
Изъ тучи грохочущей
Сѣетъ на землю
Палящія молніи,
Къ послѣднему краю
Одеждъ улетающихъ,
Я льну, ихъ лобзая,
Съ младенческимъ трепетомъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Не долженъ равняться
Никто изъ людей.
Когда жъ дерзновенный
До неба воспрянетъ,
Головою коснется
Отдаленнѣйшихъ звѣздъ,—
Не найдетъ онъ опоры
Для невѣрной стопы
И начнетъ колебаться,
И тучи съ вѣтрами
Имъ будутъ играть.

Если жъ стоитъ онъ
Ногою упорной,
Какъ на прочной твердынѣ,
На могучей землѣ,—

Въ стремлениі къ небу
Онъ только сравнится
Съ виноградной лозою
Или съ дубомъ сѣдымъ.

Что отличаетъ
Людей отъ боговъ?
Предъ богами проходяты
Многократныя волны,
Безконечный потокъ:
Насъ волна поднимаетъ,
Насъ волна поглощаетъ,
И мы тонемъ въ волнѣ.

Узкою цѣпью
Вкругъ нашей жизни
Вьется кольцо.
Поколѣнья приходятъ,
Поколѣнья уходятъ,
Постепенно сплетаясь
Безконечною цѣпью
По кольцу бытія.

К. Бальмонтъ.

Избранникъ земли.

(Памяти Гете).

Очеркъ.

„Въ садахъ пробужденной Земли
Цвѣты расцвѣли, отцвѣли.
Но былъ ей одинъ всѣхъ милѣе:
Избранникъ зеленої Земли,
Онъ вѣчно живеть, зеленѣя“.

Б***.

Приближаясь къ океану, можешь думать только о немъ, и если даже, въ тайнѣ души, любишь сильнѣе не море, а горы, не помнишь о горахъ, когда вокругъ тебя шумитъ безконечная равнина водъ, обтекающихъ землю.

Проходя гдѣ-нибудь по густому лѣсу, среди вѣковыхъ деревьевъ, вершины которыхъ гудятъ подъ вѣтромъ протяжнымъ шумомъ, подобнымъ гулу морского прибоя, забываешь о томъ, что есть пѣніе музыки, сочетанія струнныхъ инструментовъ.

Приближаясь къ Гете, видишь царственную фигуру, заслоняющую всѣхъ другихъ, любимыхъ тобой,—чувствуешь цѣльность, которая поглощаетъ все твоё вниманіе и радуетъ своимъ духовнымъ спокойствіемъ.

Сконцентрированная буря, созидающая себя и со всѣхъ сторонъ окруженная громадной сферой безвѣтрія,—вотъ точное определеніе гетеевскаго паѳоса, чуждаго тому, другому, стенящему, острому ильному, которымъ полны современные души. Мы видимъ здѣсь предѣльный типъ законченной художественной натуры, нашедшій идеальное свое воплощеніе, быть можетъ, только дважды среди обширнаго сонма художниковъ и поэтовъ. Я разумѣю подъ вторымъ уравновѣшенного гenia Возрожденной

Италіи, Леонардо да-Винчи, бывшаго одновременно и художникомъ, и анатомомъ, и физикомъ, и архитекторомъ, и даже музыкантомъ.

Многое связываетъ воедино двухъ этихъ созидателей разныхъ эпохъ, дѣлаеть ихъ двумя различными воплощеніями одного и того же типа: всесторонность личности, жаждущей всезнанія, мощь самобытныхъ творческихъ захватовъ, планомѣрность развитія, геніальная отрѣшенность отъ рамокъ добра и зла, и это гармоничное слиянье красоты виѣшней и внутренней, и эта исключительная любовь къ землѣ при полной ихъ побѣдѣ надъ всѣмъ земнымъ. И Винчи, и Гете были полубогами. И Винчи, и Гете смотрѣли на землю, какъ на свое собственное царство, лицъ котораго они измѣняли, не колеблясь и не уставая. Зато земля и любила ихъ, какъ своихъ первородныхъ сыновъ, получающихъ раньше другихъ возможность дышать и способность видѣть. Земля кинула ихъ жизни въ свѣтлую полосу, и, если есть души, которыхъ всегда, какъ героиню Эдды, Брингильду, уносятъ волны несчастія, есть другія, которыхъ свѣтлымъ потокомъ всегда прибываетъ къ цвѣтующимъ островамъ. Къ такимъ душамъ, когда земной ихъ путь завершенъ, примѣнимы ритмическая строки.

„Я слышалъ о свѣтломъ героѣ,
Свободномъ отъ всякихъ желаній,
О немъ, перешедшемъ потокѣ.
Въ лучистомъ застыль онъ покой,
Покинувъ нашъ міръ восклицаній
Для славы несозданныхъ строкъ.
Въ разрывахъ глубокой лазури,
Въ краю отодвинутой дали,
Съ нимъ тайно колдуетъ судьба.
Къ нему не притронутся бури,
Его не коснутся печали,
Ему незнакома борьба.
Съ бессмертной загадкой во взорѣ,
Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
Въ душѣ отразивъ небосводъ.
Въ высоко-матущемся морѣ
Онъ—островъ, забытый вѣтрами,
Среди успокоенныхъ водъ“.

Вся долгая жизнь Гете, ея виѣшнія обстоятельства и ея внутреннія теченія отмѣчены благосклонностью судьбы. Родившись въ богатой семье, онъ былъ въ ней маленькимъ принцемъ. Его дѣтство все озарено золотыми лучами солнца, которые казались вдвойнѣ роскошными, потому что они падали на шелкъ и бархатъ. Его юность—юность сказочного царевича: онъ красивъ, уменъ и одаренъ; для него растутъ и блестятъ все новые деревья и цветы; для него расцвѣтаютъ улыбки и румянецъ смущенія на женскихъ лицахъ. Его гений просыпается рано и умираетъ вмѣстѣ съ нимъ, развиваясь пышно и легко, безъ болѣзней-

ныхъ измѣнъ и безъ горькихъ паденій. Родная литература открываетъ для него широкое пустынное поле, и ему, не связанныму предками, выпадаетъ лучшая радость быть создателемъ литературы своей страны. Ясность и простота его кристальныхъ созданій быстро обезпечиваютъ его славу, и ему не приходится утѣшать себя, что его поймутъ потомки. Могучая стойкость здоровья и кипѣніе всего жизнерадостнаго существа его были такъ велики, что въ семидесять лѣтъ онъ могъ увлекаться изученіемъ арабскаго языка и девятнадцатилѣтней Ульрикой фонъ-Левецовъ. Это—въ семидесять лѣтъ,—что же было, когда въ глазахъ поэта таилось еще больше огня, когда въ его сновидѣніяхъ было прозрачное лѣто? Его трудовая жизнь была непрекращающимся праздникомъ, и, когда 82-хъ лѣтъ онъ умеръ,—не умеръ, а безбѣзненно уснуль,—Эккерманъ, стоя у смертнаго одра его, любовался его почти стольнимъ тѣломъ, прекраснымъ и правильнымъ, какъ статуя, безъ малѣшаго утолщенія, безъ малѣшаго исхуданія. Такъ умирали въ древности, такъ будуть умирать въ грядущемъ, оглядываясь на завершенность пути и не терзаясь ни страхомъ, ни раскаяніемъ.

То, что сдѣлалъ Гете для Германіи, и не только для Германіи, а для всего міра, по значительности и широкому объему какъ будто превышаетъ единичныя силы. Нѣмецкая литература, чахлая до него, была вознесена имъ на степень первоклассной. И въ различныхъ ея областяхъ онъ одинаково—реформаторъ и созидатель. Въ любовной лирикѣ и въ балладахъ онъ, въ замѣну ложныхъ образцовъ, идеально возсоздаетъ духъ германского народа. Въ пантеистическихъ стихотвореніяхъ онъ указываетъ людямъ на стройное единство мірозданія. Въ „Генѣ“, возбудившемъ сразу всеобщій восторгъ, онъ возсоздалъ родную старину и началь въ нѣмецкой литературѣ новое теченіе, полное освободительныхъ стремленій. Въ „Вертерѣ“ онъ создалъ романтическую поэму, которую мы всегда будемъ читать въ юности. Въ такихъ поэмахъ, какъ „Сатиръ“ и „Прометей“ (3-й отрывокъ), въ желѣзныхъ строкахъ имъ закрѣплены тѣтанические порывы человѣческой души. Въ романѣ „Избирательное сродство“, недостаточно известномъ большой публикѣ, онъ создалъ настоящій современный романъ, основанный на психо-физіологическомъ анализѣ любви, прежде чѣмъ это сдѣлалъ Флоберъ въ „Madame Bovary“ и Левъ Толстой въ „Аннѣ Карениной“. Наконецъ, въ „Фаустѣ“ онъ написалъ поэму всего XIX-го вѣка.

Этого было бы достаточно для нѣсколькихъ писателей, чтобы пріобрѣсти справедливую славу. Но этого недостаточно, чтобы стать избранникомъ земли, который высится надъ вѣкомъ, какъ свѣтлый примѣръ совершенства. Если бы Гете написалъ только

свои поэтическія произведенія,—онъ былъ бы геніальнымъ писателемъ, какіе есть въ каждой странѣ. А между тѣмъ онъ является единственнымъ поэтомъ, достигшимъ идеальной красоты цѣльности и въ смыслѣ совершенства типического, какъ художественная натура, онъ превосходитъ всѣхъ поэтовъ, хотя по силѣ таланта онъ значительно уступаетъ и Шекспиру, и Кальдерону.

У Гете была разносторонняя и жадная душа. Онъ не могъ удовлетвориться одной поэзіей. Увлекаясь зреющими, онъ руководилъ театромъ, вводя въ него новые элементы; онъ писалъ пре- восходныя критическія статьи, оказавшія большое вліяніе; онъ не боялся унизить свой геній, переводя Бенвенуто Челлини. Онъ бытъ неутомимымъ естествоиспытателемъ, и его заслуги въ этой области настолько велики, что нѣкій ревнитель строгаго знанія однажды сказалъ: „Этотъ законъ установленъ Вольфгангомъ Гете, который писалъ и стихи“. Въ исторіи первоначальной разработки эволюціонной теоріи имя Гете стоитъ рядомъ съ именами Ламарка и Дарвина. Морфологія и остеологія, минералогія и геологія одинаково привлекаютъ его вниманіе. Онъ занимается нумизматикой и метеорологіей, онъ изучаетъ философію и итальянскую живопись, онъ съ любопытствомъ заглядываетъ въ китайскую литературу, онъ пишетъ о краскахъ работу, которая поражаетъ Шопенгауэра. Въ то время, какъ гетевскій Мефистофель является духомъ, который вѣчно отрицає и, какъ замѣчаетъ чуткая Грэтхенъ, ни въ чемъ не принимаетъ сердечнаго участія, самъ Геге является живой противоположностью своего безсильнаго дьявола. Все узнать, все понять, все обнять—вотъ истинный лозунгъ, достойный *Uebermensch'a*,—слово, которое Гете употреблялъ раньше Ницше и съ болѣшимъ правомъ.

Смотря, какъ солнце, на цѣлый міръ, и любя, какъ солнце, все, Гете достигъ въ своей личности гармонической соразмѣрности частей, осуществилъ въ себѣ такую красоту, которая не боится дневного свѣта, а избираетъ его, какъ свою блестящую раму. Но неистощимый, какъ земля, вѣчно склонная къ разнообразію, онъ любить и тьму, только его ночь—не наши осенняя ночи: его ночь полна легкаго сумрака, напоминающаго то теплые ночи Италіи, то бѣлыя ночи сѣвера.

Такъ увѣренно и гордо достигнувъ своей цѣльности, Гете именно этой чертой отличается отъ другихъ поэтовъ. Ихъ много,—прекрасныхъ,—и ихъ всѣхъ можно опредѣлить, слѣдя основной ихъ особенности. О Шекспирѣ кто-то сказалъ, что это цѣлый континентъ. О Марло можно сказать, что онъ—воплощенное властолюбіе. Кальдеронъ—многоцвѣтенъ, какъ индійская лілія, дающая на одномъ стеблѣ двѣнадцать цвѣтковъ. Серванте斯ъ смѣется

горькимъ смѣхомъ, и этотъ смѣхъ слышать весь міръ. Байронъ прекрасенъ, какъ Люциферъ. Шелли рыдаетъ, какъ геніальная скрипка, и переливается лунными дрожаніями воздушной лютни. Но каждый изъ этихъ поэтовъ воплощаетъ, въ общемъ, только одну черту. Ихъ можно любить больше, но о нихъ нельзя сказать того, что мы можемъ сказать о Гете: они — части, онъ — цѣлое. Они видятъ міръ подъ однимъ угломъ и никогда не властны отрѣшиться отъ своего темперамента. Гете видить вселенную подъ разными углами и можетъ меняться, какъ Протей, ускользая отъ тѣхъ, кто не умѣеть спрашивать, и говоря съ мудрыми, какъ предсказатель и мудрецъ. И потому въ будущемъ, когда люди вполнѣ овладеютъ землей, этой зеленої планетой, данной намъ для блаженства, они будутъ подобны не Шекспиру и не Шелли, а гармонически-властному Гете.

Но есть еще другое отличіе этого величаго генія отъ цѣлой группы поэтовъ, заставляюще насъ, изнервничавшихся, утонченныхъ и истомленныхъ своей утонченностью, периодически возвращаться къ уравновѣшеному Гете, покидая наши душистыя и душныя теплицы, и, подобно вѣрнымъ богомольцамъ, приносить ему обѣтный даръ нашихъ лучшихъ симпатій. Это отличіе заключается въ томъ, что онъ — *рѣзкая противоположность* коренящемуся въ насъ *трагизму*. Въ немъ враждебное человѣческой природѣ, вступая въ междуособную борьбу и создавая лирическія грозы, всегда приводить къ радугѣ. Трагическія души, какъ Свифтъ, Эдгаръ По, Бодлэръ или Ницше, какъ камни, сорвавшіеся съ высоты утеса, съ логической неизбѣжностью и все возрастающей быстротой, летятъ въ пропасть, попутно увлекая за собою другіе камни меньшаго сопротивленія, — и чѣмъ тяжелѣе такой обломокъ, тѣмъ больше красоты въ его паденіи, тѣмъ тяжелѣе поднятый имъ гулъ. Души гармоническія, какъ Гете, подобны громадному развѣсистому дереву, которое растетъ столѣтія, поднимается упорно въ опредѣленномъ направленіи, и бури свои переноситъ, качаясь, метаясь, шумя, но цѣнко и твердо стоя на своемъ, судьбой ему данномъ, мѣстѣ.

Да, и камни, сорвавшіеся съ высоты, убиваютъ тѣхъ, кто всталъ на ихъ пути. А священное дерево Бодхи, подъ тѣнью котораго Сакьямуни достигъ обладанія истиной, жило, зеленѣя, долгія столѣтія и, перенесенное, въ видѣ свѣжаго побѣга, на жемчужный островъ Цейлонъ, живеть до сихъ поръ, внушая всѣмъ, кто къ нему приближается, мысли, отмѣченныя спокойною мудростью.

К. Бальмонтъ.

У л я л ю м ъ.

(Изъ Эдгара По.)

Небеса были съраго цвѣта,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы.
За огнемъ отгорѣвшаго лѣта
Ночь пришла, сонъ глухой черноты,
Близъ туманного озера Оберъ,
Тамъ, гдѣ сходятся вѣдьмы на пиръ,
Гдѣ лѣсной, заколдованный міръ,
Возлѣ дымнаго озера Оберъ,
Въ зачарованной области Виръ.

Тамъ однажды, въ аллеѣ Титановъ,
Я съ мою Душою блуждалъ,
Я съ Психеей, съ Душою блуждалъ;
Въ эти дни трепетанье вулкановъ
Я сердечнымъ огнемъ побѣждалъ,
Я спѣшилъ, я горѣлъ, я блисталь,—
Точно сѣрные токи на Яникъ,
Бороздящіе горный оплотъ,
Возлѣ полюса, токи, что Яникъ
Покидаютъ, струясь отъ высотъ.

Мы мѣнялися лаской привѣта,
Но въ глазахъ затаилася мгла,
Наша память невѣрной была,
Мы забыли, что умерло лѣто,
Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Оберъ,

Гдѣ открылся намъ нѣкогда міръ,
Это дымное озеро Оберъ
И излюбленный вѣдьмами Виръ.

Но когда уже ночь постарѣла,
И на звѣздныхъ небесныхъ часахъ
Былъ намекъ на разсвѣтъ въ небесахъ:
Что-то облачнымъ сномъ забѣлѣло
Передъ нами, въ неясныхъ лучахъ,—
И внезапно предсталъ серебристый
Полумѣсяцъ, двурогой чертой,
Полумѣсяцъ Астарты, лучистый,
Очевидный двойной красотой.
Я промолвилъ: „Астарта нѣжнѣе
И теплѣй, чѣмъ Діана: она—
Въ царствѣ вздоховъ, и вздоховъ полна:
Увидавъ, что въ тоскѣ не slabѣя,
Здѣсь душа затомилась одна,—
Чрезъ созвѣздіе Льва проникая,
Показала она въ облакахъ
Путь къ забвеннѣйтии въ небесахъ,
И чело передъ Львомъ не склоняя,
Съ нѣжной лаской въ блестящихъ глазахъ,
Надъ берлогою Льва возникая,
Засвѣтилась для насъ въ небесахъ“.

Но Психея, свой перстъ поднимая,—
„Я не вѣрю,—промолвила,—въ сны
Этой блѣдной богини Весны.
О, не медли,—въ ней блѣдность больная!
О, бѣжимъ! Поспѣшимъ! Мы должны!“
И въ испугѣ, въ истомѣ безсилья,
Не хотѣла, чтобъ дальше мы шли,
И ея ослабѣвшія крылья
Опускались до самой земли—
И влачились—влачились въ пыли.

Я отвѣтилъ: „То страхъ лишь напрасный,
Устремимся на трепетный свѣтъ,
Въ немъ кристальность, обмана въ немъ нѣтъ,
Сибіллически-ярко-прекрасный,
Въ немъ Надежды влекущій привѣтъ
Онъ сквозь ночь намъ роняетъ свой слѣдъ.

О, увѣруемъ въ это сіянье,
 Такъ зоветъ оно вкрадчиво къ снамъ,
 Такъ правдивы его обѣщанья
 Быть звѣздой путеводною намъ,
 Быть призывомъ, сквозь ночь, къ Небесамъ“.

Такъ ласкалъ, утѣшалъ я Психею
 Толкованиемъ звѣздныхъ судебъ.
 Зоркій страхъ въ ней утихъ и ослѣпъ,
 И прошли до конца мы аллею,
 И внезапно увидѣли склепъ,
 Съ круговымъ начертаніемъ склепъ.
 „Что гласитъ эта надпись?“—сказалъ я.
 И, какъ вѣтра осенняго шумъ,
 Этотъ вздохъ, этотъ стонъ услыхалъ я:
 „Ты не зналъ! Улялюмъ—Улялюмъ—
 Здѣсь могила твоей Улялюмъ!“

И, сраженный словами отвѣта,
 Задрожавъ, какъ на вѣткѣ листы,
 Какъ сухie, подъ вѣтромъ, листы,
 Я вскричалъ: „Значитъ, умерло лѣто,—
 Это осень и сонъ черноты,
 Небеса потемнѣвшаго цвѣта.
 Ровно—годъ, какъ на кладбищѣ лѣта
 Я здѣсь ночью октябрьской блуждалъ,
 Я здѣсь съ ношою мертввой блуждалъ;
 Эта ночь была ночь безъ просвѣта,
 Самый годъ въ эту ночь умиралъ,—
 Что за демонъ сюда насъ зазвалъ?
 О, я знаю теперь, это—Оберь,
 О, я знаю теперь, это Виръ,
 Это—дымное озеро Оберь,
 И излюбленный вѣдьмами Виръ!“

К. Бальмонтъ.

